

Это потрясло меня.

"Ты же не серьезно", - сказала я, задыхаясь.

Мы были в заднем саду. Я была в шортах и кроссовках из-за жары, а бабушка - в легком летнем платье. Я подстригал газон, сидел на мотоблоке, соблюдая линии, как она мне говорила, и заглушил двигатель, когда увидел, что она приближается с двумя стаканами воды в руках.

Моя бабушка предложила стакан, когда косилка затихла. Я поблагодарил ее и взял стакан, проглотив пинту за три или четыре глотка.

Я прокомментировал, что вода была теплой. Она поморщилась и закатила глаза, соглашаясь со мной.

"Это не так уж плохо для тебя", - добавила моя бабушка, обратив внимание на мою голую грудь. "Ты можешь не носить почти ничего. Посмотри на себя, эти крошечные шорты, ты почти голая".

Затем она сделала паузу, в ее глазах мелькнуло веселье, и она усмехнулась.

"Вообще-то, - сказала моя бабушка после паузы, - если бы тебя здесь не было..." Последовала еще одна пауза, после чего она закончила: "...я бы разгуливала по дому в обнаженном виде".

Я вытаращилась, ошеломленная таким признанием, не совсем уверенная, что это не шутка. Характер и отношение моей бабушки склоняются к легкомыслию и веселью. Она озорная, остроумная, с шуткой или одной фразой. С ее стороны это было неуместно, но не совсем не в ее характере, что заставило меня на мгновение задуматься, прежде чем я решила, что она шутит, и, покачивая головой, издала быстрый, нервный смешок.

Поддавшись шутке, я добавила: "Вот был бы сюрприз, если бы у тебя были роды или что-то в этом роде, бабушка".

На что моя бабушка хмыкнула и пожала плечами, медленно кивнув, когда на ее губах вместо ухмылки появилась ухмылка. Она посмотрела на меня с чем-то лукавым в выражении лица, а затем взяла нижнюю губу между зубами, в ее взгляде читался дьявол.

"Знаешь, здесь только мы", - сказала моя бабушка, медленно и обдуманно, когда она начала свой путь. Она сделала паузу и полуобернулась, почти застенчиво добавив: "И здесь так чертовски тепло... Я бы не отказалась быть голой. Так приятно быть голой, если подует легкий ветерок".

Мне было тревожно улавливать ее тон, ощущения внутри меня ускользали. Я чувствовал странность ее слов, понимал их неправильность, знал, что мои щеки покраснели от смущения,

но в то же время в моем сознании прокручивался ролик фантазий, образы которого вызывали во мне темные плотские желания.

Мой член утолщался и рос. Мне было девятнадцать, мои мысли никогда не были далеки от секса. Я смутно осознавал физическую и эстетическую привлекательность моей бабушки. На мой взгляд, она - симпатичная женщина. По-домашнему светлые волосы, уложенные в косу, голубые глаза, быстрая улыбка, миловидность лица, дополненная пышной, спелой, сладострастной фигурой. Моя бабушка - одна из тех упитанных дам, набравших вес в среднем возрасте, но сохранивших стройность и пышность бюста. Я никогда не сексуализировал свою бабушку, но все же признавал, что ее тело имело женственные изгибы, ее ноги были хорошо сложены и радовали глаз своими бедрами и икрами. До того дня в заднем саду у меня было лишь смутное, туманное представление о том, что мать моей матери была чрезвычайно привлекательной. Что-то было в том, как она двигалась, как держала себя. Я видел сексуальность в выражении ее лица и блеске глаз, замечал, как ее большая грудь иногда перекачивается и колыхается в блузке, или как сиськи пузыряются у лифа ее платья.

Я никогда не заходил так далеко, чтобы доводить свой член до мастурбационных фантазий о бабушке, но все же видел, что у нее все в порядке. Я видел, как она флиртowała с торговцами, как ее сексуальная привлекательность действовала на них, пока они переговаривались между собой. Она знала, как далеко зайти, и давала им достаточно, чтобы они глупели, пока она болтала и хихикала, положив руку на бедро и выпятив грудь.

Все это пронеслось у меня в голове, мой член был в полном возбуждении, смятение бурлило внутри, когда моя бабушка подкрепила мысль о том, что нужно быть голым, усмехнувшись мне в этой позе с рукой на бедре и выпяченной грудью, когда она произнесла судьбоносный вопрос.

"Разве тебе не нравится это, Сэмми? Снять эти шорты? Это всего лишь голая кожа", - сказала моя бабушка, пожав плечами. "Это ничего не значит".

И тогда я задохнулась: "Ты не имеешь в виду это".

Наступила пауза, когда я уставилась на нее: "Ну, дело в том, Сэмми. Я хочу".

Затем она вздохнула и обвела жестом просторы лужайки, пять акров сочной зеленой травы и яблоневый сад до самого забора.

"А в чем вред? Никто не видит".

В этом она была права. Живая изгородь из колючего кустарника высотой восемь футов и двенадцатифутовый забор закрывали нас от посторонних глаз. До ближайшего дома за забором было полмили через вересковые заросли и лес, а длинная подъездная дорога, высокие кованые ворота, внушительная кирпичная стена и домофон позволяли заранее предупредить о доставке или неожиданном визите. У всех членов семьи были брелоки для доступа через ворота, но зуммер, предупреждающий об открытии ворот, давал нам достаточно времени, чтобы одеться, если кто-то появится.

Я таращилась на нее, ошеломленная тем, как моя бабушка смотрела на меня и снова полуобернулась.

"Что скажешь? Ты бы хотела пойти голой?"

Я отреагировала на очевидное, заикаясь: "Но ты же моя... Я имею в виду... Мы не можем".

Моя бабушка ответила, предложив мне надуться, как избалованной девочке.

"Почему мы не могли, Сэмми? Что нам мешало? Правда?"

"Ты моя бабушка", - пробормотал я, недоверчиво глядя на нее.

Моя бабушка хмыкнула и закатила глаза.

"Есть целые семьи, которые ездят в нудистские колонии, Сэмми", - сказала она, холодно и логично. "Не будь таким ханжой. Это совершенно естественно".

Я чувствовал, как стояк сжимается внутри моих шорт и трусов.

"Это... это немного странно", - сказал я.

"Это потому, что ты путаешь наготу с сексом. Ты смешиваешь все вместе", - сказала моя бабушка. "Это не так, Сэмми. Поверь мне, когда я здесь голая..."

Она жестом обвела лужайку и фруктовый сад, взмахнув рукой.

"Я чувствую себя такой свободной", - добавила моя бабушка, глядя на меня. "Это чудесно, дорогая. Пойдем. Мы должны попробовать. Я не могу сделать это сама. Я обнаженная, а ты одетый? Это было бы немного странно".

Помня об эрекции, я покачал головой.

"О, Сэмми, пожалуйста. Я задыхаюсь".

Моя бабушка посмотрела на меня щенячьим взглядом и обмахивала себя кончиками пальцев.

"Я... я не могу", - сказал я, желая, чтобы она остановилась.

"Только на минутку", - упорствовала бабушка. "Полчаса. Просто чтобы попробовать. Если тебе будет некомфортно, мы остановимся".

"Почему ты настаиваешь, бабушка?"

"Потому что сегодня прекрасный день. Выглянуло солнце. Я хочу быть обнаженной".

Она надула нижнюю губу, как избалованная девчонка, глядя на меня. Вероятно, она знала, что я колеблюсь, близок к тому, чтобы подчиниться ее воле, несмотря на глубокие сомнения, и моя эрекция превыше всего в моих мыслях.

"Я... я как бы понимаю, что ты имеешь в виду", - сказал я, пытаюсь найти оправдание. "Но, перестань, бабушка, это извращение. Что бы сказал дедушка...? Или моя мама?"

Моя бабушка закатила глаза, вздохнув. "Ну, твой дедушка тоже так делает. Но это неважно. Дело в том, что я не буду говорить ему, Сэмми. И твоей маме тоже. Не думаю, что они это одобряют. Наверное, ты прав. Но, в общем, я все равно хочу это сделать. Мы не обязаны говорить".

Я сглотнула, потому что внезапно мне захотелось это сделать. Мне было любопытно узнать о теле моей бабушки, о том, какими на самом деле были ее груди. Я видела, что они обещают быть большого размера, но не могла не думать о ее сосках.

"Ну, знаешь, хорошо, я начинаю привыкать к этой идее", - сказала я, чувствуя странные ощущения внутри себя. "Похоже, это может быть здорово - то, что ты сказала о свободе и все такое".

Глаза моей бабушки расширились, а на ее лице появилась улыбка. Восхищенная, она задыхалась: "О Боже, Сэмми, ты действительно думаешь, что сможешь это сделать?"

Мои щеки пылали, когда я кивнул. "Да, я мог бы, но..."

Бабушка нахмурилась, сосредоточившись на моем лице.

Я закрыл глаза, когда она спросила: "Но что? В чем дело?"

Я пожала плечами и пожелала, чтобы огонь на моих щеках остыл.

"Тебе не нужно стесняться", - говорила моя бабушка. "Я же говорила тебе, это нормально, это естественно - быть голой. Здесь никто не видит. Нет никакого вреда".

"Ага, я тебя слышала", - сказала я, открыв глаза.

Мое внимание переместилось с ее лица на фруктовый сад, я смутно оценивал линии на газоне, пока смущение от моего затруднительного положения сжимало мои внутренности.

"Это... это просто немного неловко сейчас", - закончил я.

Я услышала удивление в ее тоне, когда моя бабушка промолвила: "О! О Боже!"

Она уставилась на меня, когда я осмелился взглянуть ей в лицо, и я увидел, как ее рот на секунду или две приоткрылся, прежде чем она усмехнулась.

"Сэмми, ты хочешь сказать...?"

В словах моей бабушки была странная жеманность, ее поведение было наполовину кокетливым, наполовину забавным.

"Это просто... Это... Я ничего не могу с этим поделать", - пробормотала я, отводя взгляд.

"О, милая, я понимаю", - сказала бабушка со вздохом. "Я просто немного удивлена, вот и все. Я не ожидала..."

От унижения стало жарко, когда она сделала паузу. Я снова закрыла глаза. "Я не думаю, что смогу это сделать", - сказал я. "Я... я лучше пойду и закончу косить".

Я услышал, как вздохнула моя бабушка, когда я передал ей стакан.

"Давай, Сэмми", - сказала она после того, как я поблагодарил ее за воду. "Меня не беспокоит твое... э-э-э... состояние. Это пройдет. Это просто реакция".

Когда я уставилась на нее, я скорчила гримасу и покачала головой.

Моя бабушка хмыкнула и закатила глаза, затем придвинулась ближе, игнорируя предложенный мной стакан, когда она протянула руку, чтобы коснуться моего плеча.

"Меня это не шокирует, Сэмми", - сказала моя бабушка. "Я уже видела мужской пенис. У меня было двое детей, милая", - добавила она. "В этом нет ничего нового".

Мое лицо все еще пылало, когда я сказала: "Да, но давай. Это другое".

"Ладно, хорошо, слушай", - сказала моя бабушка, коротко и резко, как старомодная школьная учительница.

Она вдруг стала совсем несерьезной, ее отношение было таким, как будто она ругала меня за какой-то проступок.

Затем бабушка сказала: "Просто перестань быть глупой. Все в полном порядке. Я обещаю, Сэмми. Ты делаешь из этого то, чем это не является. Это действительно не повод для стыда. В твоём возрасте... ну, это должно случиться. Ты так запрограммирован. Это просто гормоны и природа".

"Но ты же моя бабушка", - сказала я со стоном почти отчаяния.

"Так и есть. И я сказала тебе, я не возражаю. Я бы предпочла быть голой, вот и все. Я не хочу надевать это платье. Перестань суетиться, Сэмми. Это всего лишь пенис. Я не собираюсь смеяться или отчитывать тебя".

Я ослабел, почему-то убежденный, когда посмотрел на бабушку и увидел ее нежную улыбку.

Она кивнула, когда я спросил: "Ты уверена?"

"Абсолютно уверена".

"Так... так как мы это сделаем? Мне просто снять шорты здесь?"

Я почувствовал, как дрожат мои руки, когда бабушка надулась и снова полуобернулась.

"Мы можем стать скромными и отвернуться", - сказала она. "Но, в конце концов, мы собираемся увидеть друг друга в буфете, так что...?"

"Ты не будешь сердиться, потому что я...? Это...?"

"Нет, я же говорила тебе, глупышка", - сказала моя бабушка с прерывистым вздохом.

Она покачала головой, когда я сказала: "Да, но..."

"Ты сказала, что сделаешь это", - сказала бабушка, прервав меня.

Она сделала паузу, закатила глаза и склонила голову к одному плечу.

Пробормотав, бабушка добавила: "Ну, что скажешь? Может, разденемся прямо сейчас? Прямо здесь. Просто покончим с этим, Сэмми?".

Я сглотнул, когда пульс возбуждения сжал мой член. "Это... это немного странно", - вздохнул я.

Должно быть, она увидела что-то на моем лице, или услышала это в моем голосе - а может быть, и то, и другое - потому что моя бабушка посмотрела на меня с хитрой, вульпинской ухмылкой на губах, ее тон был сгущенным и густым, когда она сказала: "Это немного непристойно, не так ли, Сэмми? Ты это имеешь в виду?"

<http://erolate.com/book/2322/59999>